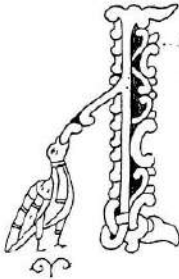

ОТЪ СОЛОВОКЪ ДО КЕМИ. КЕМЬ.

Ночевка у Якъ-Острова. Таможенный постъ. Видъ на Кемь и кемлянокъ. Переправа черезъ порогъ. Два собора. Женскій городъ. Жемчугъ и его добыча. Историческое о Кемь. Легенда о 40 рукавицахъ. Осмотръ „Забіяки“ землянками. Отъѣздъ.

Ловко и быстро снялся съ якоря »Забіяка«, покидая Соловки; онъ давно уже вспѣнивалъ винтомъ своимъ за кормой тяжелую бѣломорскую волну; давно уже замерли салютаціонныя выстрѣлы, съ него раздававшіеся въ отвѣтъ на выстрѣлы монастырскихъ пушекъ, а послѣднія все еще продолжали гудѣть вслѣдъ Великому Князю и наконецъ замолкли, стихли за отдаленіемъ. Въ полнѣйшей ясности сѣверной полуночи на 18-е іюня скрылись, задвинулись мало-по-малу долго умалявшіяся очертанія Соловецкихъ острововъ и все ближе выяснялись влѣво отъ насъ острые, темные профили непривѣтливыхъ острововъ Кузова. Они лежатъ почти на полпути между Соловками и Кемью, совершенно остры, мрачны, голы, угрюмы и дали предвкусить своимъ очертаніемъ то, что предстояло намъ видѣть на безконечномъ Мурманскомъ берегу. Вслѣдъ за ними, будго декорачіи, шествовали въ свѣтлой ночи, выплывая изъ свѣтлой воды, другія очертанія, другіе острова, тоже голые, скалистые, необитаемые, большіе и маленькіе, острова съ названіями и безъ названій, и наконецъ около 2 часовъ ночи близъ Якъ-Острова бросили мы якорь для ночевки. Тутъ окружилъ насъ темнѣвшій по свѣтившемуся полуночнымъ свѣтомъ морю цѣлый архипелагъ и виднѣлись: Дальній Кузовъ, Нѣмецкій Кузовъ, ближе и гораздо ниже ихъ Ольховый, Топоруха и еще многіе. Здѣшнее море никогда не спокойно, оно вѣчно терзается

приливами и отливами, чрезвычайно различающимися своею вышиной въ той или другой губѣ его. Эти четырехкратныя перемены дня и ночи слѣдуютъ одна за другою по пятамъ, непосредственно, и вызываютъ видимую простымъ глазомъ борьбу теченій: споръ прилива съ отливомъ, обозначающійся видимо, называется «сулоемъ». Отъ мѣста якорной стоянки, Якъ-Острова, до Кеми оставалось верстъ 30, и мы слѣдали ихъ съ утра очень быстро и бросили якорь вторично. Для слѣзда съ «Забіяки» на берегъ надо было воспользоваться приливомъ, и для перваго же знакомства съ характеромъ бѣломорскихъ портовъ намъ приходилось слѣдять девять верстъ, отдѣлявшія насъ отъ Кеми, сначала на нашемъ паровомъ катерѣ, а дальше, ближе къ городу, въ порогахъ рѣки Кеми, на мѣстныхъ лодченкахъ. «Забіяка» сидитъ 14' и долженъ былъ стать далеко, но пароходы Общества Мурманскаго Пароходства «Кемь» и «Онега», сидящіе 6', могутъ подходить почти къ самому городу; первый изъ этихъ пароходовъ видѣли мы на якорѣ недалеко отъ насъ.

День, какъ и ночь, былъ очень теплый и свѣтлый, и глазамъ было больно смотрѣть на яркое серебро моря, еле колеблемое вѣтромъ. Влѣво отъ клипера виднѣлись на берегу: бездѣйствующій казенный лѣсопильный заводъ и зданіе Ягостровскаго таможеннаго поста, одинъ изъ карбасовъ котораго подѣхалъ къ намъ; таможенные солдатки въ матросскихъ курткахъ, съ зелеными воротниками и такими же околышами фуражекъ, большею частью люди мѣстные, очень отважныя и ловкіе моряки. Всѣхъ таможенныхъ карбасовъ въ Бѣломъ морѣ 43; имѣется еще и паровой карбасъ. Въ 1869 году простой карбасъ стоилъ 135 руб., въ 1870 — 250 руб., въ нынѣшнемъ году обходится онъ постройкой 400 руб.; сравненіе цѣнъ этихъ можетъ служить очень нагляднымъ доказательствомъ возрастанія стоимости лѣса. Береговая линія Ягостровскаго поста, подлѣ котораго мы стояли на якорѣ, составляетъ 130 верстъ; отсюда же наблюдаютъ таможенные и за Соловецкими островами. Контрабанды вообще мало, но, не будь этихъ зеленыхъ людей, ея несомѣнно было бы достаточно.

Паровой катеръ, не смотря на встрѣчный юго-восточный вѣтерокъ, или — какъ его здѣсь называютъ — «обѣдникъ», отваливъ отъ клипера, шелъ быстро. Прежде всего обозначилась на при-

ближавшемся берегу сосновая роща съ часовней Ильи Пророка, отстояшею на три версты отъ Кеми; роща эта — любимое мѣсто прогулокъ кемлянъ и единственная представительница зелени на голыхъ скалистыхъ окрестностяхъ. Почти одновременно съ нею глянула вдали и сама Кемь и яснѣ другихъ обозначились на плоскомъ берегу едва виднаго изъ волнъ городка двѣ церкви — старый, закрытый по ветхости, и новый, неоконченный соборы; есть еще небольшая третья церковь — кладбищенская, такъ что въ городѣ церквей двѣ или три, какъ считать. Яснѣ и яснѣ поднимались изъ воды мелкія строенія; выросталъ какъ будто и берегъ, замкнутый вдали по кругу довольно высокими холмами; вправо отъ насъ просунулся въ морѣ каменистый мысокъ и невдалекѣ отъ него, на зелени прибрежнаго луга, пло, направляясь къ городу, довольно большое стадо. По нѣкоторымъ изъ печатныхъ источниковъ мурманскія и бѣломорскія коровы питаются рыбой, треской, вслѣдствіе безусловнаго недостатка травы. Можетъ быть, такія коровы и существуютъ гдѣ-нибудь дальше, но тутъ, въ Кеми, нѣтъ достаточной причины этому оригинальному развитію коровьяго вкуса.

Около 2-хъ часовъ времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы покинули «Забіяку» и, идя противъ вѣтра, но по приливу, оставивъ влѣво полуразрушенную батарею, построенную противъ англичанъ въ 1855 году, вѣхали въ довольно широкій бассейнъ, образуемый рѣкой Кемью; на берегу, вправо, лежали, накренившись, нѣсколько судовъ, прибитыхъ весеннимъ ледоходомъ; невысокіе, голые, скалистые холмы вырисовывались за ними и будто выростали. Отсюда увидѣли мы очень ясно: новый соборъ съ его тремя шатровыми шапками, мостъ на колодахъ черезъ рѣку Кемь, сильно пострадавшій въ послѣдній ледоходъ, такъ какъ третью часть его снесло, небольшіе домики, островокъ съ часовенкой, благополучно существующій въ самой стремнинѣ порога. Мы могли любоваться на разостлавшуюся по берегу громадную радугу горожанокъ-кемлянокъ, разубравшихся наилучшимъ и наипестрѣйшимъ образомъ для встрѣчи Великаго Князя. До берега казалось такъ близко, рукой-подать, можно было отличить черты каждаго лица, чуть ли не рисунки сарафана и кацавейки, а между тѣмъ самое трудное предстояло: рядомъ съ нами влокоталъ порогъ, покрывая своимъ вѣчнымъ голосомъ

временное «ура!», несшеся съ берега. Между островкомъ съ часовенькой и городомъ рѣка Кемь перебиваетъ свои крупныя сердитыя волны черезъ крутой и высокій гребень скалъ и направляетъ ихъ дугой, образуя сильную круговую стремнину. Паровой катеръ могъ двигаться только до этого мѣста, а тутъ предстояла пересадка на маленькія лодочки, легкія, быстрыя, доски которыхъ связаны сосновыми корнями или тростникомъ. Порогъ ревѣлъ невообразимо, заглушая людскіе голоса, когда у самаго края его къ катеру подскочили расцвѣченные флагами лодочки съ гребцами женскаго пола. Съ лентами на лбахъ, въ золототканыхъ повойничкахъ, съ цвѣтными платочками на шеѣ и груди, быстро и ловко подгребли кемлянки къ катеру, и на первую ближайшую лодку пересѣлъ Великій Князь. Любопытно было видѣть со стороны, какъ кричавшія «ура!» и махавшія платками лодчицы находились, такъ сказать, между двухъ огней: хотѣлось имъ смотрѣть на Великаго Князя, а между тѣмъ нельзя было терять секунды, чтобы не быть снесенными стремниной. Нечего было дѣлать, принялись кемлянки за работу: разъ, два, три, и углая лодочка, подчиняясь могучимъ ударамъ весель нашихъ плечистыхъ сѣверянокъ, скользнула по направленію къ берегу по безумно прыгавшимъ бѣлымъ волнамъ порога. Минуть черезъ пять Его Высочество былъ на берегу, а скоро вслѣдъ за нимъ и мы остальные. «Ура!» заглушило на нѣкоторое время шумъ порога, и двинулась людская радуга, женская фаланга, въ пестрѣйшихъ, зачастую золототканыхъ одѣяніяхъ, вся залитая свѣтомъ самаго яркаго солнца, вслѣдъ за Его Высочествомъ, въ соборъ. Лошадей въ Кемѣ нѣтъ, — пришлось идти пѣшкомъ.

Въ Кемѣ встрѣтились мы, такимъ образомъ, въ первый разъ съ типомъ обычнаго на нашемъ сѣверѣ въ лѣтнюю пору въ высшей степени характернаго женскаго города. Весь мужской персоналъ, способный работать, отправляется въ мартѣ или апрѣлѣ на Мурманъ и возвращаются они не ранѣе сентября или октября. Матери, жены и дочери остаются на мѣстахъ, что нѣсколько не мѣшаетъ имъ отваживаться въ открытое море, когда и на чемъ угодно, и прибрежное дитя еще въ люлькѣ готовится быть морякомъ, не знающимъ страха и вскормленнымъ непривѣтливымъ моремъ, такъ какъ матери-кормилицы берутъ съ собою ребяткуъ

въ лодки и укладываютъ спать на носу или на кормѣ. Смѣлы кемлянки до безумія и нерѣдко тонуть онѣ даже въ городскомъ порогѣ, но эти безвременныя жертвы не вліяютъ ни на общій строй жизни, ни на личные характеры. Тонуть такъ тонуть, кричать такъ кричать, и кричать же кемлянки невообразимо, потому что говорить попросту въ Кемѣ нельзя, и обыкновенная рѣчь заглушается вѣчнымъ голосомъ вѣчнаго порога.

Его Высочество прослушалъ въ соборѣ многолѣтіе. Соборъ этотъ какъ-то очень давно строится, на деньги (кажется, 60.000 рублей), пожертвованныя частнымъ лицомъ, и все не достраивается. Говорятъ тутъ о томъ, будто и въ самой постройкѣ этой не было необходимости, такъ какъ старый соборъ вовсе не ветхъ; говорятъ, что большинство населенія Кемѣ, и въ особенности заправилы, раскольники, что поддерживать собора они не хотѣли. Вѣрно то, что старый вовсе не такъ ветхъ, какъ о немъ толковали; хотя онъ строенъ 175 лѣтъ тому назадъ, но лѣсъ его проченъ и при нѣкоторой поддержкѣ могъ бы служить еще очень долго; въ немъ трехъ-ярусный иконостасъ и очень древнія иконы, несомнѣнно старѣйшія, чѣмъ самъ соборъ, пожалуй даже новгородскія, изъ какихъ-нибудь прежнихъ исчезнувшихъ церквей; имѣются два придѣла, въ каждомъ по иконостасу рѣзному, деревянному, съ очень характерными царскими дверями: краска съ нихъ лупится, позолота потерта. Великій Князь посѣтилъ и этотъ храмъ и заявилъ начальнику губерніи свое желаніе, чтобы древность этого собора, которая, будучи перенесена, уже отчасти украшаетъ строящійся новый соборъ, въ случаѣ если бы она оказалась ненужною и неопѣвненною по достоинству, была доставлена въ музей христіанскихъ древностей при академіи художествъ. Благодѣтельное желаніе Его Высочества, распространенное болѣе широкимъ примѣненіемъ къ другимъ мѣстностямъ Россіи, невѣроятно легкомысленно уничтожающимъ древности, можетъ принести своимъ осуществленіемъ громадную пользу, и нельзя сомнѣваться въ томъ, что это такъ и будетъ. Новый, недостроенный соборъ не можетъ выдержать сравненія со старымъ: это заурядная небольшая церковь, скорѣе комната чѣмъ церковь, имѣющая сѣни, отдѣленные перегородкой, и украшенная очень немногими иконами; въ старомъ соборѣ ихъ много, и если не озаботиться о перенесеніи ихъ или починкѣ крыши, то пред-

стоитъ неминуемое и скорое разрушеніе, такъ какъ дождевые потоки уже разрисовали сиротѣющія стѣны храма своими сталактитными изображеніями. Отъ стѣнъ вѣетъ сыростью, не смотря на погулы вѣтра по храму.

Смотръ кемской мѣстной командѣ ограничился повѣркой строя, потому что — это можетъ показаться оригинальнымъ — производству гимнастики и фехтованія помѣшали кемлянки, буквально наводнявшія мѣсто построенія. Военскіе чины живутъ здѣсь по обывателямъ, впредь до ожидаемаго въ скоромъ времени возобновленія сгорѣвшихъ казармъ; они пользуются временно отведенною имъ сборною, удовлетворяющею возможнымъ отъ учебной залы требованіямъ. Посѣтивъ острогъ и городскую больницу, Великій Князь интересовался, по имѣющимся въ канцеляріи начальника команды даннымъ, состояніемъ въ командѣ грамотности и какъ числомъ, такъ и родами совершенныхъ нижними чинами преступленій и проступковъ; въ заключеніе ознакомился съ расходомъ людей на службу.

Временно остановился Его Высочество въ лучшемъ домѣ города, принадлежащемъ сыну городского головы Водохлебова, находившемуся ко времени пріѣзда Великаго Князя въ морѣ на промыслахъ. Это одинъ изъ богатыхъ хозяевъ-поморовъ; у него семь шнякъ, три шхуны и двѣ промысловыя яхточки; домъ убранъ чисто, совсѣмъ комфортабельно; вообще поморскіе дома могутъ похвастать обстановкой: гардины, зеркала и мягкая мебель не рѣдкость у такихъ хозяевъ промысловъ. Живутъ поморы обыкновенно въ нижнемъ этажѣ, по праздникамъ переходятъ въ верхній и тутъ принимаютъ гостей; однимъ изъ существенныхъ украшеній является гладко вычищенный, зачастую накаливаемый самоваръ; онъ ставится на почетномъ мѣстѣ и играетъ, если угодно, роль статуи; наряжаться любятъ не только жены и дочери хозяевъ, но и простыхъ работниковъ-«покручниковъ», такъ что если вѣрить рассказамъ, то почти все, что остается свободнымъ отъ заработковъ, идетъ на одѣяніе. Яркость цвѣтовъ дѣйствительно поразительна; какъ и во многихъ мѣстахъ сѣвера, мѣстный жемчугъ, вылавливаемый въ рѣкѣ Понькѣ, въ 50-ти верстахъ отсюда, составляетъ одно изъ любимыхъ украшеній; шелковъ и золотой ткани тоже очень много. Здѣсь, какъ и вездѣ, любятъ

»пѣсни играть«, и во все наше пребываніе на берегу, подъ рокотанье порога, съ разныхъ сторонъ слышалась пѣсня.

Жемчужница, *Ulio margaritiferus*, по словамъ профессора Грима, очень распространена въ прозрачныхъ, свѣтлыхъ водахъ рѣчекъ нашего сѣвернаго края, и подтвержденіе этому имѣется дѣйствительно въ нарядахъ женщинъ олонецкихъ и архангельскихъ; особенно славятся жемчужницами рѣчки Сюзьма, Сума и Повѣнчанка; добыча же его наиболѣе развита въ Колѣ. Ловятъ жемчужницу или »ракушницей«, деревянной рамой, снабженной ножомъ, помощью которой спарачиваютъ ракушку съ каменистаго дна, или просто руками, обходя извѣстныя мѣста и пользуясь свѣтомъ полуденнаго солнца. У промышленниковъ сложилось даже нѣчто въ родѣ особаго одѣянія съ принадлежностями лова; надо имѣть много опытности, чтобы по наружному виду раковины судить о томъ, есть-ли въ ней жемчугъ, и не вскрывать понапрасну; попадаются жемчужины до 100 рублей цѣною, но рѣдко; сбытъ жемчуга обезпеченъ всегда.

Жителей въ Кемь около 1.000 человекъ. Какъ и значительная часть побережья Бѣлаго моря, Кемь въ свое время была помѣстьемъ Марѳы Борецкой, и въ 1450 году отдана ею Соловецкому монастырю, о чемъ и свидѣтельствуетъ хранящаяся въ монастырѣ »вкладная крѣпость« съ вислыми свинцовыми печатями. На этихъ древнихъ документахъ зачастую не обозначалось ни числа, ни года; не болѣе точны были и межевые знаки; опредѣлялось, напримѣръ, что уступаются тѣ »два лука (или двѣ обжи, каждая длиннику 126, а поперечнику 32 сажени) земли, гдѣ Пареенка да Першица живутъ«. Слѣдовательно эти згинушіе Пареенки да Першицы — тоже историческія данныя. Въ 1597 году вторглись сюда »коянскіе нѣмцы«, то-есть финляндцы изъ города Кояна, причемъ были побиты соловецкій воевода Озеровъ и бывшіе съ нимъ стрѣльцы. Новое нападеніе послѣдовало годъ спустя, но воевода Аничковъ отбилъ; въ 1657 году Соловецкій монастырь, повидимому сильно интересовавшійся Кемью, поставилъ здѣсь острогъ и снабдилъ его пушками, пищалями и припасами. Есть свѣдѣніе, что острогъ этотъ напоромъ льда снесенъ въ 1763 году. Съ 1785 года Кемь уѣздный городъ, и открывалъ его бывший въ то время олонецкимъ губернаторомъ Державинъ, едва не потонувшій при этомъ случаѣ.

»пѣсни играть«, и во все наше пребываніе на берегу, подъ рокотанье порога, съ разныхъ сторонъ слышалась пѣсня.

Жемчужница, *Ulio margaritiferus*, по словамъ профессора Грима, очень распространена въ прозрачныхъ, свѣтлыхъ водахъ рѣчекъ нашего сѣвернаго края, и подтвержденіе этому имѣется дѣйствительно въ нарядахъ женщинъ олонецкихъ и архангельскихъ; особенно славятся жемчужницами рѣчки Сюзьма, Сума и Повѣнчанка; добыча же его наиболѣе развита въ Колѣ. Ловятъ жемчужницу или »ракушницей«, деревянной рамой, снабженной ножомъ, помощью которой спарачиваютъ ракушку съ каменистаго дна, или просто руками, обходя извѣстныя мѣста и пользуясь свѣтомъ полуденнаго солнца. У промышленниковъ сложилось даже нѣчто въ родѣ особаго одѣянія съ принадлежностями лова; надо имѣть много опытности, чтобы по наружному виду раковины судить о томъ, есть-ли въ ней жемчугъ, и не вскрывать понапрасну; попадаются жемчужины до 100 рублей цѣною, но рѣдко; сбытъ жемчуга обезпеченъ всегда.

Жителей въ Кемь около 1.000 человекъ. Какъ и значительная часть побережья Бѣлаго моря, Кемь въ свое время была помѣстьемъ Марѳы Борецкой, и въ 1450 году отдана ею Соловецкому монастырю, о чемъ и свидѣтельствуетъ хранящаяся въ монастырѣ »вкладная крѣпость« съ вислыми свинцовыми печатями. На этихъ древнихъ документахъ зачастую не обозначалось ни числа, ни года; не болѣе точны были и межевые знаки; опредѣлялось, напримѣръ, что уступаются тѣ »два лука (или двѣ обжи, каждая длиннику 126, а поперечнику 32 сажени) земли, гдѣ Пареенка да Першица живутъ«. Слѣдовательно эти згинушіе Пареенки да Першицы — тоже историческія данныя. Въ 1597 году вторглись сюда »коянскіе нѣмцы«, то-есть финляндцы изъ города Кояна, причемъ были побиты соловецкій воевода Озеровъ и бывшіе съ нимъ стрѣльцы. Новое нападеніе послѣдовало годъ спустя, но воевода Аничковъ отбилъ; въ 1657 году Соловецкій монастырь, повидимому сильно интересовавшійся Кемью, поставилъ здѣсь острогъ и снабдилъ его пушками, пищалями и припасами. Есть свѣдѣніе, что острогъ этотъ напоромъ льда снесенъ въ 1763 году. Съ 1785 года Кемь уѣздный городъ, и открывалъ его бывший въ то время олонецкимъ губернаторомъ Державинъ, едва не потонувшій при этомъ случаѣ.

Хотя Кемь считается однимъ изъ лучшихъ уѣздныхъ городовъ Архангельской губерніи, тѣмъ не менѣе лѣтомъ нѣтъ въ него вѣзда, нѣтъ вѣзда въ экипажѣ. Г. Михайловъ, пробывшій здѣсь цѣлое лѣто, утверждаетъ, что онъ видѣлъ одну только лошадь, занятую развозомъ водки на саниахъ. Онъ былъ счастливѣе насъ: мы не видѣли ни одной. По его словамъ, гористая мѣстность Кемскаго уѣзда, дальше, вглубь страны, выработала даже особый типъ архангельскихъ горцевъ, а близость моря, опаснаго моря, выннчила замѣчательныхъ моряковъ. Отъ Кеми до Онеги и по всему Кандалажскому заливу на протяженіи 500 верстъ нѣтъ вовсе сухопутныхъ дорогъ и все сообщеніе происходитъ на карбасахъ, для чего приблизительно на 40 верстахъ разстоянія устраиваются почтовые пункты; гребутъ опять-таки только женщины, и могутъ сдѣлать 120 верстъ, работая въ двѣ смѣны. По окраинамъ города есть кое-гдѣ огороды, гдѣ растутъ морковь, рѣпка, рѣпа и брюква; повидимому картофель — корнеплодъ слишкомъ нѣжный для этихъ широтъ; капусту тоже привозятъ, и цѣна ей 5 р. за 100 кочней. Но и Кемь нѣкоторымъ образомъ югъ относительно недалекаго Мурмана, потому что въ одномъ изъ становищъ морскаго побережья Ура, которое мы посѣтимъ, морковь уже не растетъ, и люди ограничиваются только тремя остальными овощами. Говорятъ впрочемъ, что въ этой далекой Урѣ въ 1873 году пробовали сѣять ячмень и какъ будто что-то получили.

Легко, конечно, относиться саркастически къ этой скудости и угрюмости страны двухмѣсячной ночи; легко намъ, наѣзжающимъ, судить о томъ, что измѣянный работой, часто становящійся лицомъ къ лицу со смертью въ океанѣ, со смертью въ становищѣ въ образѣ цинги или скорбута, поморъ лишнее выпьетъ. Но, что за сила воли обитаетъ въ этихъ людяхъ, какихъ только подвиговъ нельзя ожидать отъ нихъ! Въ 1850 году въ «Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» опубликовано было, что кемскій мѣщанинъ Михаилъ Никитинъ вдвоемъ съ женой ходилъ на шнякѣ своей на Новую Землю. Спрошенные о немъ старожилы отвѣтили намъ однако, что никакого такого Никитина они не помнятъ. Въ тридцатыхъ годахъ умеръ тотъ Старостинъ, что проживалъ зимы на Шпицбергенѣ въ теченіе цѣлыхъ сорока лѣтъ. Это ли не люди, это ли не характеры, это ли не моряки?

Существуетъ любопытное мѣстное преданіе, напоминающее отчасти легенду Вильгельма Телля, это разсказъ »О сорока рукавицахъ«. Дѣло въ томъ, что шведы пришли по обыкновенію на рѣку Ковду грабить; чтобы добраться имъ до села, нужно было пройти порогъ и нуженъ былъ человѣкъ способный провести лодку. Нашелся такой человѣкъ, но на самой быстринѣ соскочилъ онъ съ лодки на берегъ, оттолкнулъ ее, и всѣ находившіеся въ ней погибли; вышло только сорокъ рукавиць.

Какъ уѣздный городъ, Кемь обставлена и всѣми соответствующими атрибутами власти; здѣсь есть шкиперское училище, но лѣтнихъ занятій въ немъ нѣтъ. Въ рѣкахъ Кемскаго уѣзда одною изъ важныхъ статей дохода является семга и ея промыселъ; городъ Кемь отъ семужскихъ заколовъ получаетъ 700 р., Сорока — 500 р., Ковда и Умба по 2.000 р., Поной — 5.000 р. доходы Кузоmeni достигаютъ крупной цифры 10.000 р.

Полуденное солнце было очень ярко и жарко, когда Великій Князь направился къ пристани, опять-таки пѣшкомъ, окруженный вплотную амазонскимъ населеніемъ Кеми. Не смотря на густую толпу, пыли почти не было, такъ какъ »проѣзжихъ«
улицъ нѣтъ и городскіе домики расположены, словно разсыпаны, на зеленой муравѣ; да и, вообще говоря, подлежитъ сомнѣнію, существуютъ ли въ Кеми улицы? Если онѣ есть, то весьма схожи съ деревенскими проулочками, съ тою разницей, что по совершенному отсутствію лошадей и колесныхъ экипажей свободно обросли приземистою, но сочною травой. Во время прохожденія Его Высочества по мосткамъ, устланнымъ гдѣ ситцемъ, гдѣ сукномъ, гдѣ каленкоромъ, Великому Князю то и дѣло подбрасывались подъ ноги всякіе платки и полотенца; надо было имѣть великое искусство и большую силу, чтобы по проходѣ Его Высочества выдернуть положенную матерію изъ-подъ ногъ вплотную надвигавшейся толпы; очень трудно было и намъ, слѣдовавшимъ за Великимъ Княземъ, не путаться въ этихъ комкавшихся ситцахъ и полотенцахъ и поспѣвать за нимъ.

Сѣвъ въ лодочку, Его Высочество былъ быстро переправленъ черезъ порогъ къ паровому катеру; нельзя было терять ни минуты, такъ какъ начинался отливъ. Не успѣли мы тронуться съ мѣста, какъ ото всѣхъ выступовъ обмытыхъ волнами скаль, изо всѣхъ щелей побережья, въ которыхъ гнѣздились ло-

дочки, велѣдъ Великому Князю въ стремнину порога двинулась цѣлая флотилія нашихъ морскихъ амазонокъ, толкаясь однѣ о другихъ такъ, что страшно было глядѣть. На расцвѣченныхъ флагами лодочкахъ по четыре и шести гребцовъ на веслахъ, кое-гдѣ уткнувъ въ носы и кормы лодочекъ ребятишекъ, двинулись кемлянки велѣдъ великокняжескому катеру: кто подъ парусомъ, кто и безъ него; со всѣхъ сторонъ подъ взмахи весель и повертыванія рулей >игрались пѣсни«. Понятно, что гребцы отставали отъ катера, но немного. Вышли мы по отливу изъ рѣчки въ заливъ и направились къ виднѣвшемуся верхушками своихъ мачтъ >Забіякъ«. Только что причалили мы къ нему и взошли по трапу на палубу, какъ приблизились къ высокимъ темнымъ бокамъ его и лодочки кемлянокъ и окружили вплотную, образовавъ подлѣ обоихъ траповъ какъ будто живой, трепетавшій на глубокихъ синихъ волнахъ помостъ.

Никогда не видали кемлянки военного судна; существуетъ у поморовъ шуточное прозвище парохода вообще — >жбра«; едва ли нашъ щедро вооруженный клиперъ могъ имъ показаться шуточнымъ; хотѣлось имъ его видѣть, и Великій Князь далъ разрѣшеніе пустить женщинъ на палубу. Какъ цвѣтныя бабочки, полѣзли онѣ по крутымъ трапамъ на >Забіяку«; никого не осталось въ лодочкахъ, никого, кромя самыхъ маленькихъ ребятишекъ, уткнувшихъ въ носы и кормы, и клиперъ населился женщинами вплотную, такъ что въ полномъ смыслѣ слова на немъ не было прохода. Все осмотрѣли кемлянки: и великокняжескія каюты, и каютъ-компанію, и ютъ, и бакъ. Странились онѣ съ уваженіемъ отъ громоздкихъ орудій, изслѣдовали якорь и его цѣпи, заглянули въ машину, въ трюмы, оцупали снасти. Пестрые сарафаны, яркіе платки и кокошники мелькали повсюду, отгнѣняемые темносиними воротниками матросовъ, пораженныхъ и очень довольныхъ неожиданнымъ посѣщеніемъ. По яркимъ краскамъ одѣяній бросалъ подвижную, волнованную тѣнь свою дымъ трубы клипера и глубокое голубое небо спорило съ блескомъ любопытствовавшихъ женскихъ глазъ.

Прошло около получаса времени, когда посѣтельницаи начали приглашать удалиться. Поползли онѣ обратно по трапамъ внизъ на свои лодочки, и надо было видѣть ту смѣлость, ту ловкость, съ которою разсаживались онѣ по лодкамъ, перескакивая съ

ближайшихъ на дальнѣйшія, между веревокъ, державшихъ лодочки одну подлѣ другой. Это была своего рода скачка съ препятствіями на большой глубинѣ морской и въ костюмахъ, вовсе не созданныхъ для скачки и лазанья. Это ли не типъ, это ли не народъ? думалось невольно, и какое-то сладкое чувство гордости и самосознанія щекотало душу.

По мѣрѣ того какъ всякія Домны, Василисы и Аннушки разсаживались на свои лодки, отыскать которыя было довольно трудно, онѣ, разобравшись веслами и веревками, отчаливали отъ »Забіяки«, направляясь къ недалекой обнаженной гранитной лудѣ. Сойдя на скалы, кемлянки живописно размѣстились по нимъ и неумолчно »играли пѣсни«, пока снимался съ якоря »Забіяка« и давалъ большой полукругъ, поворачивая носъ къ морю. Термометръ показывалъ 20° въ тѣни; небо и воды были совсѣмъ лазурны. Наконецъ завертѣлся могучій винтъ нашего клипера. Совершенно невольно, безотчетно, проскальзывала мысль о томъ: неужели же это нашъ туманный, забытый, отличающійся неясными очертаніями сѣверъ? Что же дѣлаютъ наши художники, не забывая сюда и предпочитая для воспроизведенія на полотнѣ находящіяся подъ рукою изображенія Финскаго залива или невеликихъ тоней? Эта скала съ цвѣтными кемлянками, эта лазурь небесъ, это лучезарное море не видали еще нашего художника.

Посѣщеніе Кеми было роскошнымъ, цвѣтистымъ предисловіемъ нашего пути на Мурманъ. Мы тронулись дальше поперекъ Кандалаккаго залива, въ началѣ 4-го часа пополудни, имѣя предъ собой одинъ изъ самыхъ длинныхъ, предстоявшихъ намъ, переѣздовъ къ недалекой отъ Норвежской границы Териберской губѣ. По расчету времени, завтра, 19-го іюня, около 8-ми часовъ утра, должны мы были перейти полярный кругъ и войти въ область незаходящаго солнца.

